

Е. Е. КУЗЬМИНА

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОИРАНЦЕВ В СВЕТЕ
НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ***

*(Этнические проблемы истории Центральной Азии
в древности. М., «Наука», 1981)*

Вопрос о происхождении индоиранцев (и.-и.) до сих пор остается остродискуссионным и порождает взаимоисключающие гипотезы как среди археологов, так и среди лингвистов.

Проблема происхождения и.-и. может решаться, во-первых, только как часть общеиндоевропейской проблемы, поскольку и.-и. принадлежали к индоевропейской (и.-е.) общности; во-вторых, только комплексно, при совместном анализе лингвистических и археологических данных.

При установлении этнической принадлежности решающими, разумеется, являются лингвистические свидетельства.

Анализ языка и данных письменной традиции позволяет реконструировать хозяйство, материальную культуру, социальную структуру и идеологические представления предков носителей данного языка, а выявление изоглосс, заимствованных слов дает возможность установить контакты с носителями других языков¹:

Однако языковые материалы часто не позволяют определить, когда и где² происходили реконструируемые лингвистически явления. В установлении хронологии этнической истории дописьменного периода решающее значение приобретает соотнесение языковых данных с археологическими реалиями.

Сопоставление лингвистических и археологических материалов позволяет установить три бесспорных факта в истории и.-е.

1. В и.-е. языках общими являются: а) ряд земледельческих терминов: названия злаков, мякины, жернова, «размалывание»; б) названия до-

* Публикуемый текст представляет переработанный вариант доклада Е. Е. Кузьминой и К. Ф. Смирнова, прочитанного на симпозиуме. Автор пользуется случаем выразить благодарность И. М. Дьяконову, Вяч. Вс. Иванову и В. А. Лившицу за консультации.

машных животных: конь, бык (вол), корова, овца, коза, собака, некоторые обозначения самок, самцов и детенышей домашних животных, а также скотоводческие термины (скот, шерсть, молоко); в) названия металлов: медь, золото, серебро [17; 85; 125, 132]. Следовательно, контакты носителей и.-е. диалектов продолжали осуществляться в эпоху распространения производящего хозяйства и металлургии в Старом Свете. По данным археологии [82], становление производящего хозяйства и металлургии в Передней Азии происходило с VII тыс. до н. э.; в Юго-Восточной Европе (включая Балканы, Подунавье, Причерноморье) – с VI, в основном в V–IV тыс. до н. э.; в южнорусских степях – IV тыс. до н. э.³.

2. В и.-е. языках общими являются названия, связанные с колесным транспортом: четырехколесная повозка, колесо, ярмо, дышло, ось, «запрягать», «вращать» [17; 85]. Следовательно, контакты носителей и.-е. диалектов продолжали осуществляться в эпоху распространения колесного транспорта в Старом Свете. По данным археологии, колесный транспорт был изобретен в Передней Азии в конце IV тыс. до н. э. и в III тыс. до н. э. получил широкое распространение в Передней Азии, Юго-Восточной Европе, в южнорусских степях, на Кавказе и на юге Средней Азии [44; 98; 126].

Таким образом, время распространения колесного транспорта в Старом Свете – III тыс. до н. э. – есть *terminus post quem* распада общности и.-е. диалектов и может считаться твердо фиксированной датой в истории и.-е.

3. В и.-е. языках общими являются название лошади и большой круг религиозных и мифологических представлений, связанных с конем, в частности сопровождающий важнейшие общенародные церемонии обряд жертвоприношения коня с последующим отделением лошадиной головы: индийский ритуал *asvamedha*, галльский – *iipomiidvos*, римский – *Equus October* [32; 99; 110]. Следовательно, контакты носителей и.-е. диалектов в III тыс. до н. э. должны были осуществляться в той зоне Старого Света, где было развито коневодство и сложился культ коня, в частности обряд жертвоприношения конской головы.

По данным археологии и палеозоологии, лошадь была приручена в IV тыс. до н. э. в зоне от Дуная до Урала, причем на земледельческих поселениях Карпат, Подунавья и Северного Причерноморья кости лошади составляют не более 5% остеологических материалов, в культурах же преимущественно скотоводческих степной и лесостепной зон от Днепра до Урала в IV–III тыс. до н. э. коневодство играло большую роль [10; 11; 79]; на поселениях хутор Репин в Подонье, Михайловка, Деревивка и др. в Поднепровье кости коня достигают 60–80%, там же и в Повол-

жье на памятниках самарской культуры известны древнейшие в мире ритуальные жертвоприношения коня и конской головы и изображения этого животного в искусстве [45].

В Передней Азии лошадь известна с III тыс. до н. э., но вплоть до середины II тыс. до н. э. не играет роли ни в хозяйстве, ни в военном деле, навыки запряжки и посадки не выработаны [120], и кости лошади в остеологических материалах поселений практически отсутствуют. Обряд жертвоприношения коня неизвестен. Древнейшие ритуальные захоронения конских черепов открыты в Анатолии, в хеттском могильнике Османкаясы, относящемся только к XIV в. до н. э.; в Иране же этот ритуал зафиксирован еще позже – лишь на памятниках начала I тыс. до н. э.: Хасанлу, Динка-тепе, Баба-джан, Марлик [45].

На Кавказе коневодство также известно в III тыс. до н. э., но ритуальных погребений коня и его головы нет. Таким образом, сопоставление реконструируемых лингвистических данных о культуре древнейших и.-е. с археологическими реалиями позволяет сделать вывод, что рубеж IV–III тыс. до н. э. – время распространения колесного транспорта в Старом Свете – является *terminus post quem* распада и.-е. общности и что предполагаемая зона контактов и.-е. в III тыс. до н. э. включала территорию Юго-Восточной Европы и южнорусских степей – зону Старого Света, где в IV–III тыс. до н. э. не только было развито коневодство, но и сложился культ коня. Эти выводы по истории и.-е. являются определяющими при установлении происхождения и.-и. народов.

Terminus ante quem выделения и.-и. из числа других и.-е. народов и разделения самих и.-и. – XIV в. до н. э., когда царь Митанни Куртивазаскрепил договор с хеттским царем Супиллулиумой I клятвой и.-и. богами Индрой, Варуной и Насатъя, когда митаннийские цари стали носить и.-и. имена, в документах из Нузи и Алалаха появились и.-и. имена, а и.-и. коневодческая терминология – в трактатах митаннийца Киккули и хеттском о тренинге лошадей для колесничной запряжки [31; 108; 117; 118; 130; 135].

По мнению А. Камменхубер и М. Майерхофера, приход ариев в Митанни произошел, видимо, несколько раньше середины II тыс. до н. э. (скорее всего в середине XVI в. до н. э.) Вопрос о том, к какой ветви и.-и. относились переднеазиатские арии, долгое время был дискуссионным. Сейчас господствует точка зрения П. Тиме, М. Майерхофера и Вяч. Вс. Иванова, согласно которой пришельцы были уже отделившимися от прото-индоиранцев индоариями (и.-а.) или носителями особого арийского диалекта, хотя их движение, вероятно, захватило и родственных протоиранцев [31; 33; 89; 117; 118; 135].

Таким образом, контакты носителей различных и.-и. диалектов на прародине относились ко времени между серединой II и III тыс. до н. э. Дальнейшая история и.-и. – это история переселения с прародины индоариев в Индию, иранцев в Иран и кафиров в Кафиристан, с одной стороны, и история становления культуры ираноязычных саков и скифов – с другой, причем, поскольку все эти народы принадлежат к и.-и. ветви и, несмотря на разницу исторических судеб, их языки, социальные институты, мифология, ритуалы сохраняют очень много общего [12; 22; 23; 28; 29; 33; 93; 124], генезис каждого из этих народов может рассматриваться только как составная часть общей проблемы происхождения и.-и.

Как мне представляется, суть этой проблемы сводится, во-первых, к установлению археологических признаков миграций, во-вторых, к разработке методики этнической атрибуции археологической культуры.

Проблема археологических признаков миграций многократно поднималась в литературе, но не нашла до сих пор удовлетворительного разрешения [41; 86; 103; 129]. Н. Я. Мерпертом [59] рассмотрены исторические причины миграций и три модели миграций, соответствующих эпохам неолита, энеолита и бронзы. Типы миграций, засвидетельствованные в истории и этнографии, весьма разнообразны и соответственно имеют различное археологическое отражение и дают различные возможности для заключений о сохранении или смене языка.

1. Колонизация: в пределах единой или иной культурно-хозяйственной зоны пришлое население вытесняет аборигенов и полностью сохраняет свою материальную культуру; археологическое отражение этого типа миграции – расширение ареала известной археологической культуры; пришельцы приносят свой язык.

2. Миграция в пределах единой культурно-хозяйственной зоны: пришлое население ассимилирует аборигенов или ассимилировано ими; археологическое отражение этого типа миграции – сложение новой археологической культуры, в которой прослеживается синтез субстратных и суперстратных культурных явлений⁴; заключение о смене или сохранении языка без дополнительных данных невозможно.

3. Миграция из более развитой культурно-хозяйственной зоны в более отсталую: пришлое население ассимилировано аборигенами, но передало им ряд культурных достижений; археологически этот тип миграции крайне трудно отличить от культурного влияния; в языке аборигенов появляется ряд заимствованных терминов.

4. Миграция из более отсталой культурно-хозяйственной зоны в более передовую; пришлое население воспринимает местную материальную культуру; археологически этот тип миграции устанавливается с большим

трудом⁵, изменения прослеживаются не в сфере материальной культуры (так как ремесленниками остаются аборигены, сохраняющие старые производственные традиции), а в сфере духовной культуры – смене погребального обряда, появлении культа новых животных, отражающегося в смене образов и композиций в изобразительном искусстве. Иногда удается выявить также некоторые инновации в материальной культуре (появление конского снаряжения, оружия и т. п.), позволяющие очертить ареал, откуда явились пришельцы⁶⁻⁷. Заключение о смене или сохранении языка без дополнительных данных невозможно.

При дальнейшем анализе мы попытаемся проследить, какие типы мигра-раций имели место в истории и.-и., и определить, какие свидетельства могут быть приведены в пользу гипотезы о сохранении и.-и. речи в процессе разного типа миграций, сопровождавшихся неоднократной сменной археологических культур.

Этническая атрибуция культуры бесписьменного народа, на мой взгляд, должна представлять собой ряд последовательных операций.

1. Установление этнической принадлежности археологической культуры ретроспективным методом – путем определения по комплексу признаков генетической связи культуры предков с последующей культурой, этническая принадлежность которой известна по историческим источникам.

2. Проверка правильности этнической атрибуции культуры, полученной в результате ретроспективного анализа археологического материала, путем сопоставления с независимо полученными в результате лингвистического анализа заключениями об уровне хозяйства, социальной структуре и идеологии предков носителей данного языка.

3. Проверка правильности этнической атрибуции культуры путем наложения археологической карты на карту топонимов и гидронимов.

4. Проверка правильности этнической атрибуции культуры путем сопоставления с данными о контактах предполагаемого этноса с носителями других языков.

С целью получения окончательного объективного вывода каждая последовательно проводимая операция осуществляется независимо от результатов предшествующего анализа.

Совпадение результатов анализа, полученных независимыми путями, Позволяет надеяться, что предлагаемая этническая атрибуция археологической культуры является не рабочей, а достаточно строго обоснованной научной гипотезой, претендующей на то, что она хотя бы в какой-то мере отражает объективную историческую реальность.

І. Ретроспективный анализ

Решающим методом этнической атрибуции культуры бесписьменного народа является ретроспективный анализ и установление генетической преемственности культуры народа, язык которого известен по историческим источникам, с культурой его предков. Анализ должен вестись не по одному признаку (например, серой керамике), а по комплексу признаков, включая тип жилища, категории материальной культуры, керамику, погребальный обряд, орнамент, сюжеты и стиль изобразительного искусства. При этом в комплексе признаков первостепенное значение имеют не те, которые, по определению М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, связаны с хозяйственно-географической средой, а функционально не обусловленные стороны культуры, которые отражают этническую специфику данного коллектива и связаны с его идеологическими представлениями (погребальный обряд, орнамент, культ определенных животных, археологически отражающийся в ритуальных погребениях и изображениях этих животных, и т. д.), а в условиях домашнего ремесла – некоторые функционально не обусловленные производственные традиции, в частности некоторые приемы ручного гончарства. Именно эти признаки оказываются наиболее устойчивыми как при стадильной смене культур, так и при миграциях и могут играть роль этнических индикаторов.

Смена комплекса этнически определяющих признаков, по видимому, может рассматриваться как доказательство вероятной смены этноса. Однако следует иметь в виду, что перерыв преемственности традиции может быть следствием природных и социальных катаклизмов; погребальный обряд, круг почитаемых животных и мифологических персонажей могут смениться в результате изменения религии, появления запрета кровавых жертв или реалистических изображений при сохранении прежнего этноса; появление новых орнаментов и персонажей в изобразительном искусстве, а также новых форм керамики, украшений может произойти в результате распространения моды; полная и резкая смена гончарных традиций происходит при переходе от домашнего гончарства к ремесленному профессиональному производству при сохранении этноса. Поэтому ни один из признаков в отдельности не может быть признан бесспорным этническим показателем. В особенности это касается гончарной ремесленной керамики, при производстве которой традиции передаются не от поколения к поколению в пределах рода, а от мастера к мастеру независимо от этнической принадлежности, так что типы ремесленной керамики могут сохраняться при смене этноса.

Таким образом, преемственность археологических культур, отражающая генетическую преемственность носителей одного этноса, может устанавливаться только путем выявления сквозных типологических рядов целого комплекса взаимосвязанных элементов культуры.

Исследованиями К. Ф. Смирнова, К. А. Акишева, Б. А. Литвинского [66; 69; 3; 35; 50] и др. ретроспективным путем была установлена генетическая преемственность культуры населения евразийских степей начала I тыс. до н. э. – саков и савроматов, ираноязычность которых известна по ахеменидским и греческим письменным источникам, – с предшествующими на этой территории культурами эпохи бронзы – срубной на западе (в Поволжье и Приуралье) и андроновской на востоке (в Казахстане и Средней Азии). Сохранение культурной преемственности прослеживается в традициях погребального обряда, культа огня, ручного гончарного производства, в орнаментах, ритуальных погребениях и культах коня, быка, верблюда, овцы, в типах орудий труда, оружия (среди которого особенно важно сохранение втульчатых бронзовых стрел, чуждых другим областям Евразии), конского снаряжения, украшений, в конструкциях жилищ и т. д. Сквозные типологические ряды выявлены в целом комплексе элементов культуры, что дает надежные основания считать обоснованной гипотезу о генетической преемственности между ираноязычным населением евразийских степей раннежелезного века и предшествующим населением эпохи бронзы – носителями культур срубной, андроновской, а также тазабагьябской, принадлежащей к тому же кругу и генетически связанной с ними [74]. Это служит серьезным основанием предполагать, что носители этих культур эпохи бронзы (или хотя бы какая-то их часть) говорили на и.-и. языках.

Таким образом, в свете данных ретроспективного анализа может быть высказана гипотеза об и.-и. принадлежности части населения евразийских степей эпохи бронзы.

II. Сопоставление культуры протоиндоиранцев, реконструируемой по лингвистическим: данным, с археологическими культурами III–II тыс. до н. э.

Следующий шаг в установлении и.-и. прародины и соотношении протоиндоиранского этноса с конкретной археологической культурой или культурами составляет наложение на археологическую карту Старого Света реконструируемых лингвистических данных о хозяйстве, материальной культуре и идеологии протоиндоиранцев⁸.

Еще с XIX в. на основании анализа лексики и.-и. языков, прежде всего словаря древнейших письменных памятников, сохраняющих и.-и. традицию, – Авесты и вед (в первую очередь Ригведы), – было установлено, что и.-и. обитали в обширной степи (авестийское выражение *Ayuānam vaijah* – «широкий арийский простор») с большими, полноводными реками и вели комплексное хозяйство с преобладанием скотоводства [2; 8; 12; 18; 23; 25; 27; 28; 29; 33; 35; 85; 96; 100; 116; 124; 125; 132]. Это доказывается тем, что, хотя в и.-и. языках есть общие индоевропейские названия злаков и рала, земледельческая терминология в и.-и. беднее, чем в других и.-е. Наоборот, очень многочисленны скотоводческие и коневодческие термины. Боги и.-и. именуется «владыка обширных пастбищ», «дарующий богатство скотом», «прекрасноконное богатство», к богам постоянно обращаются с просьбой ниспослать богатство скотом, особенно конями, защитить скот, оросить пастбища, что не оставляет сомнения в доминанте скотоводства в хозяйстве и.-и.

Состав поголовья и относительная ценность животных определяются по многочисленным описаниям жертвоприношений: высшей жертвой считается конь, затем идут бык и овца. Санскритское слово «война» буквально означает «борьба за захват коров» [85; 132]. В. А. Лившиц обратил внимание на то, что в персидском языке для обозначения приносимой в жертву овцы используется слово *gosfand*, восходящее к иранскому «святая корова», из чего следует, что в культуре древних и.-и. в стаде преобладал именно крупный рогатый скот.

В отличие от других и.-е. народов, и.-и. не разводили свиней и не приносили их в жертву (общеиндоевропейское название свиньи сохранилось только в ваханском и хотаносакском), зато у них было развито разведение двугорбых верблюдов, игравших особую роль в культе [43; 97].

И.-и. знали пчеловодство, гончарство (судя по ведическим текстам, ручное) и металлургию. Большое значение имело строительство колесниц, первым колесничим был бог-творец Тваштар. Общими в и.-и. языках были слова «колесница», «оглобля», «подпруга», «уздечка», многие названия частей упряжи [1; 17; 23; 25; 88; 90]. Общи также некоторые названия предметов вооружения и костюма, в том числе штанов и башлыка – традиционной одежды евразийских степных скотоводов [89].

Вместе с тем не фиксируется общеиндоиранской развитой терминологии, связанной со специализированным ремеслом и торговлей, городами, фортификацией, монументальными дворцами и храмами [35], культовыми изображениями, письменностью. Дворцы (*vimāna*), в которых обитают на небе и.-а. божества, – это, по Хертелю, огромные повозки, «дома на колесах». У иранцев даже в ахеменидскую эпоху дворец называется

nadiš, – по одной из этимологии – «овчарня», «загон для скота»; и это говорится о дворце Дария в Персеполе. Общеиранское название жилища *kata* восходит к глаголу «кап» – «копать», т. е. отражает жилище типа землянки. В Авесте (Яшт V, 101) жилище Анахиты описывается как примитивная конструкция со световыми отверстиями и опорными (деревянными) столбами; к авестийскому *vi-dā-* – «строить жилище» восходит в средне- и новоиранских языках слово для обозначения шатра, тента, жилища типа юрты [35, с. 141; 94, с. 30]. Эти лингвистические данные, бесспорно, свидетельствуют о том, что не только протоведические арии, но и иранцы в предахеменидскую эпоху не были знакомы с монументальной архитектурой. Не знали они и храмов. Главным в религиозной практике и.-и. было принесение жертв богам, в том числе жертвенное заклание коня, быка и овцы, и культ предков, выражавшийся как в жертвоприношениях, так и в сооружении курганов. Общеиндоиранские были слова «могила», «курган» [89]. В погребальном обряде и.-и. первостепенное значение имели принесение в жертву пищи и заклание животных. Погребения знати сопровождались жертвоприношением коня (Ригведа, X, 56). Судя по ведической традиции, протоиндоиранцы практиковали как обряд трупосожжения, так и обряд трупоположения с последующим возведением над могилой насыпи и иногда с сооружением ограды [29; 50; 52].

Вероятно, биритуальны были в древности и иранцы: о практике трупоположений свидетельствует осуждение этого обряда в Ясне (65, 8) и Видевдате (3.41, 6); на существование трупосожжения указывает этимология слова «дахма».

Большую роль при совершении погребения играл огонь, что нашло отражение в гимнах Ригведы, обращенных к богу огня Агни. Огонь был главным проводником жертвоприношений и посредником между миром людей и богов. Это представление отразилось и в развитом культе очага как в ведической, так и в авестийской традиции [105].

Анализ терминов Ригведы и Авесты показывает, что в обществе и.-и. выделились три социальные группы [12; 22; 33; 35; 92; 93]: жрецы, воины и рядовые общинники. Общинник назывался в Ригведе *vaišya*, в Авесте – *vāstrya fšuyant*. Производным от этого словом в сасанидском Иране именовали крестьян-земледельцев, но его дословный перевод – «доставляющий траву скоту» [27, 28; 35; 92; 93]. Авестийское *vāstrya* родственно хеттскому *westara* – «пастух» [30]. Значит, этот термин возник в глубокой древности, когда основным занятием и.-и. было скотоводство.

Воин в Авесте обозначался термином *gataeštar*, т. е. «стоящий на колеснице». Этот термин был известен и индийцам, хотя чаще употреблялся *ksātriya* («наделенный могуществом воин») и *gājanya* («царственный»). Сле-

дует подчеркнуть, что сословия ремесленников и торговцев не были выделены и соответствующая терминология на и.-и. уровне отсутствовала.

Принадлежность к определенному сословию была наследственной.. Восходящий к общеиндоевропейскому древнеиранский термин «знатный» (*āzāta*) значит «сын семьи с высоким положением в обществе» [35; 90]. О далеко зашедшей дифференциации в и.-и. обществе свидетельствует обилие терминов для обозначения вождя и знати: «первейший», «старейший», «выдающийся из мужей».

В Авесте употребляются слово *pati* – «правитель», применяемое к правителю дома, рода и области, а также названия, имеющие индийские соответствия: *sāstar* – «приказывающий», «наказывающий» и *kavi*, переводимое как «мудрый», «ясновидец», «шаманствующий», а буквально означающее «запевающий» (при совершении жертвоприношений) [213]. Эти термины указывают на то, что у древних и.-и. вождь исполнял магико-юридические функции. Однако основной его функцией была военная защита территории и дележ земельных угодий общины, что отражено в общеиндоевропейском названии вождя – индийском *gājā*, родственном латинскому *gex* (от «проводить границу», «отмерять»), и иранском *xšāya* – «мочь», «владеть», засвидетельствованном также у скифов [1].

Итак, по лингвистическим данным устанавливается, что в обществе и.-и. выделились функции магико-юридические, связанные с выполнением религиозных ритуалов, военные, связанные с охраной коллектива и его имущества, и производственные, связанные с созданием материальных благ – скотоводством. Трехсословная структура общества сложилась в глубокой древности, когда носители и.-и. диалектов поддерживали контакты друг с другом и с другими и.-е. народами, что доказывалось общностью ряда социальных терминов, и вели пастушеское хозяйство, на что указывает этимология слова, означающего основного производителя-общинника.

Контакты носителей и.-и. диалектов могли осуществляться в той зоне Старого Света, где доминирующую роль в комплексном хозяйстве играло скотоводство, в составе стада были конь, бык, овца, двугорбый верблюд и сложился культ этих животных (в то время как отсутствовал культ свиньи), где употреблялись конные колесницы, где существовал культ огня и обычай подкурганного захоронения, где общество было стратифицировано и выделилось сословие воинов-колесничих.

С какими культурами Старого Света может быть соотнесена эта картина?

Культура скотоводческих общин Передней Азии не может быть признана и.-и., так как выделившиеся группы скотоводов были малочис-

ленны, нищи, разобщены, ютились в пустынях и горах на окраине плодородных земель и, судя по письменным источникам II тыс. до н. э., проанализированным Х. Кленгелем, Д. Купером, Р. Вальцем, специализировались исключительно на овцеводстве, а с начала I тыс. до н. э. стали разводить одногорбых верблюдов (41а, 111), так что тип их хозяйства и уровень культуры резко отличны от и.-и.

Рядом западных исследователей выдвигалась гипотеза, поддержанная И. Н. Хлопиным, [78], В. И. Сарияниди [65], об и.-и. принадлежности населения юга Средней Азии и Ирана начиная с III тыс. до н. э. и раньше. Наиболее законченное выражение она нашла в работе Р. Гиршмана [48; 102].

Однако характер культуры Ирана, Афганистана и юга Средней Азии III – начала II тыс. до н. э. принципиально отличается от реконструируемого протоиндоиранского. Судя по раскопкам таких памятников, как Гиссар, Шах-тепе, Туренг-тепе, Алтын-депе, Намазга, Улуг, Дашлы, и даже провинциальных поселков типа Сапалли-тепе [6; 7; 54; 55; 63; 65; 87; 98а; 133], в Иране, Афганистане и на юге Средней Азии основу хозяйства составляет оседлое ирригационное земледелие, в составе стада преобладает мелкий рогатый скот, высоко развито узкоспециализированное ремесленное производство, работающее на рынок, долговременные поселения обведены мощными оборонительными стенами, дома возводятся из пахсы и сырцового кирпича; открыты дворцы с колоннами и храмы, подражающие зиккуратам; подкурганый обряд погребения неизвестен – захоронения производятся или под полами домов, или на заброшенных участках поселения, а позже в грунтовых могильниках (Янги-кала, Миршади, Джаркутан); глиняные статуэтки указывают на господство культа женского божества; мифологические образы, реконструируемые по печатям, как и культ женского божества и традиции погребального обряда и храмового строительства, позволяют рассматривать культуру этого региона как периферийный вариант культур переднеазиатского круга. И по хозяйству и по идеологии эта культура принципиально отлична от протоиндоиранской⁹.

В своем построении Р. Гиршман [102, с. 14–18] уделил большое внимание доказательству того, что ирано-среднеазиатская зона была родиной конных колесниц в Старом Свете. Он основывался на находках в Анау и Шах-тепе костей, которые И. Дюрет отнес к домашней лошади. Однако Кости эквидов были пересмотрены Б. Лундхольмом [115] и М. Хильцгаймером [106], показавшими, что они принадлежат кулану.

Среди огромного остеологического материала Туркмении III – первой половины II тыс. до н. э. кости лошади отсутствуют [80]. Отсутствуют

и изображения лошадей в коропластике. Принятая за лошадь фигурка с Алтын-депе на деле представляет двугорбого верблюда. Таким образом, в настоящее время нет достоверных свидетельств знакомства населения юга Средней Азии и Ирана с конем до конца периода Намазга V – начала Намазга VI.

Вторым аргументом Р. Гиршман признал печать из Гиссар III B с изображением, в котором он вслед за Г. Чайлдом [98] видел древнейшую в мире колесницу, имеющую колесо со спицами.

Однако Э. Шмидт [133] считал печать не иранской, а импортной, месопотамской; главное же, по мнению специалистов по колесному транспорту М. Литтауэр и Д. Крауэл [114], на печати представлено колесо не со спицами, а с брусьями, а по П. Мури [119] – сплошное колесо с планками сузианского типа, что позволяет датировать печать 2350 г. до н. э. и сопоставить представленный на ней экипаж с архаичными повозками Суз.

Большое количество среднеазиатских глиняных моделей повозок III – первой половины II тыс. до н. э. представляют четырехколесные открытые или реже двухколесные с цельными колесами повозки, запрягавшиеся парой быков или верблюдов; модели колес со спицами появляются только в период Намазга VI или в конце Намазга V [47]¹⁰.

Таким образом, имеющиеся археологические материалы не дают оснований признать ирано-южносреднеазиатскую зону родиной ни коневодства, ни культа коня, ни колесниц со спицами, что снимает возможность соотнесения культуры этой зоны с и.-и. этносом.

Эти выводы должны учитываться и при обсуждении гипотезы, выдвинутой Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым [17], по мнению которых прародина и.-е. локализовалась в Передней Азии, откуда протоиндоиранцы переселились в северную часть Иранского плоскогорья, а оттуда и.-и. ушли: одни – на запад, в Митанни, другие – на восток, через Афганистан в Индию, а восточные иранцы позже мигрировали через Центральную Азию и прикаспийские степи к Северному Кавказу и Крыму тем же путем, по которому раньше прошли в Северное Причерноморье носители западных и.-е. языков.

До публикации авторами всей огромной массы собранных ими аргументов обсуждать эту теорию преждевременно. Можно отметить лишь, что среднеазиатские пустыни и остававшиеся долгое время заболоченными участки Междуречья были труднопроходимы; вплоть до начала II тыс. до н. э. Амударья текла по Узбою в Каспийское море; экологическая обстановка была крайне неблагоприятна для ранних земледельцев и скотоводов, и в III тыс. до н. э. по Узбою располагались неолитические стоянки

рыболовов, а в пустынях – неолитические стоянки охотников [36]; никаких данных, подтверждающих значительную миграцию с юга на север, пока нет; единственным ярким неолитическим комплексом степной зоны Средней Азии в конце III тыс. до н. э. является поселение и могильник Заман-баба [24; 42], определяющий степной компонент которого связан с культурами южнорусских степей; маршруты передвижения через пустыни Средней Азии были проложены только во второй половине II тыс. до н. э. двигавшимися с севера степными скотоводческими племенами.

Что касается Северного Прикаспия и волго-уральской степи и лесостепи, то в настоящее время благодаря открытию И. Б. Васильевым [16] самарской культуры, представленной могильниками Липовый Овраг, Съезжая и стоянками Староелшанской и Виловатовской, здесь прослеживаются прямая генетическая преемственность культур от IV до II тыс. до н. э., а также параллельное развитие и активные культурные и этнические связи с родственным населением степной и лесостепной зон Северного Причерноморья – носителями днепро-донецкой культуры [16; 73].

Памятники прикаспийской, самарской, днепро-донецкой культур и донские составляют единую мариупольскую общность, на смену которой приходит ямно-среднестоговская [16; 57; 58; 73]. Мариупольская культурная общность испытывает «воздействие более развитых культур Поднепровья и Подунавья, откуда заимствуются навыки производящего хозяйства и другие культурные достижения, в то время как нет никаких заметных следов воздействия среднеазиатской кельтеминарской культуры, у носителей которой становление производящего хозяйства происходит значительно позже, чем в степи и лесостепи от Днепра до Урала.

Очень важными для решения и.-е. проблемы являются массовые находки костей лошади на памятниках мариупольской и раннеямной общностей и открытие датирующихся начиная с IV тыс. до н. э. ритуальных захоронений коня (иногда только конского черепа) в Съезжей, Хвалынске, Деревке и изображений коня в Съезжей, Липовом Овраге, Виловатом, Орске, Суворовской [10; 11; 16; 45; 73]. Это древнейшие в Старом Свете доказательства сложения кulta коня.

Население, принадлежащее к мариупольской общности, было знакомо также с разведением крупного и мелкого рогатого скота, кости которого (как и ритуальные погребения и изображения быков) обнаружены на ряде памятников, причем существенно, что скот принадлежит к дунайско-причерноморской морской породе, а зебувидная ирано-юго-среднеазиатская порода у мариупольцев отсутствует.

Уже в IV тыс. до н. в. в этой зоне было известно домашнее гончарство и ткачество. В III тыс. до н. э. – у носителей ямной культурно-

исторической общности – окончательно утвердилось комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство с доминирующей ролью пастушеского скотоводства, основанного на разведении коней, крупного, а также мелкого рогатого скота [57; 58; 73; 84]; стал более широко применяться металл; получило развитие пчеловодство (отливки по восковой модели). Важнейшей инновацией в культуре явились заимствование и быстрое распространение колесного транспорта – повозок с цельными колесами и бычьей запряжкой [44].

В идеологии племен ямной культуры большую роль играли практика жертвоприношений (ритуальные погребения коней, быков и овец или только их голов), культ огня и культ предков, выразившийся в сооружении могил, перекрытых грандиозными курганными насыпями, иногда обведенными кромлехом.

Первостепенное значение имеет выделение уже в IV–III тыс. до н. э. среди рядовых захоронений погребений знатных воинов, положенных вместе с символами власти – скипетрами и топорами, а в III тыс. до н. э. – вместе с повозками под монументальными курганами [16; 44; 57].

Выделение этих отличающихся по обряду погребений дает надежные основания говорить о социальной дифференциации скотоводческого, преимущественно коневодческого, населения южнорусских степей и лесостепей уже в IV–III тыс. до н. э.

У населения южнорусских степей в III тыс. до н. э. определяющими оставались контакты с земледельцами Подунавья и Причерноморья, откуда поступал разнообразный импорт, в том числе металл. Отмечены продвижения отдельных групп степного населения в зону земледельческого населения Юго-Восточной Европы (погребения с охрой). Укрепились также связи с Кавказом, откуда стали поступать металл и повозки. Ямные племена продвинулись далеко на юг: ямные курганы открыты вплоть до Кубани и Терека, а каменные стелы – до Кавказского хребта; установились контакты с носителями куро-аракской культуры, о которых свидетельствуют находки предметов куро-аракского импорта в степях, а также степной керамики на куро-аракских поселениях.

Если принять выдвигавшуюся ранее гипотезу об и.-и. принадлежности населения южнорусских степей III тыс. до н. э. (чему не противоречит археологический материал), то отмечаемые связи как с культурами Юго-Восточной Европы, так и с кавказскими могли бы объяснить выявление лингвистами схождения и.-е. языков с другими языковыми группами, в частности с картвельскими и нахско-дагестанскими языками Кавказа.

Во всяком случае, можно утверждать, что археологический материал южнорусских степей второй половины IV–III тыс. до н. э. не дает осно-

ваний предполагать массовую миграцию населения через степную Среднюю Азию, связи с которой минимальны, ни из Анатолии, ни с Иранского плато, где уровень развития культуры и хозяйственный тип принципиально отличны от южнорусского. Речь может идти только о прогрессивном влиянии цивилизаций Передней Азии на культуру южнорусских степей, вследствие которого в степях были заимствованы селекционированные в Передней Азии культурные злаки и одомашненный крупный рогатый скот и овцы [80]; отсюда же были восприняты металлургия [82] и колесный транспорт [44; 98; 126]. Причем следует подчеркнуть, что эти культурные воздействия достигали зоны степей не столько через Среднюю Азию, сколько через Кавказ и прежде всего через Подунавье, контакты с которым в период становления производящего хозяйства в степях были особенно устойчивыми и определяющими.

* * *

Как уже говорилось, *terminus post quem* выделения и.-и. из и.-е. общности – время распространения конных боевых колесниц, использование которых имело огромное значение в культуре и.-и., привело к оформлению военной аристократии – *rataēštar* («стоящий на колеснице») и нашло яркое отражение в мифологии: мчащимися на колеснице изображаются многие боги и.-и. пантеона, в том числе солярные. Важно подчеркнуть, что и.-и. ознакомились с конной колесницей еще на прародине, когда они находились в тесных контактах с другими и.-е., что доказывалось общностью многих «колесничных» мифов, поэтических формул («быстроконное солнце») и образов (крылатые кони-птицы, влекущие по небу божественную колесницу), специфичных для и.-е. (в том числе и.-и.) мифологии и фольклора.

Распространение колесниц в Передней Азии около середины II тыс. до н. э. большинство исследователей связывают с приходом индоариев (и.-а.) [117; 118], хотя правильнее было бы говорить, что значение и.-а не в том, что они принесли сами колесницы (легкие экипажи с колесами со спицами были в Анатолии раньше), а в том, что они привели высокопородных тренированных коней, пригодных для запряжки. Роль и.-а. аргументируется заимствованием в переднеазиатские языки и.-и. терминов коневодства и тренинга в изученных А. Салоненом [130] и А. Камменхубер [108] коневодческих трактатах, появлением в качестве титула арийского выражения «управляющий конями» [89], арийскими именами правителей Митанни. Как убедительно показал М. Майерхофер [118], попытка А. Камменхубер умалить роль ариев в распространении конных колесниц в Передней Азии несостоятельна.

Следовательно, носители археологической культуры, предположительно отождествляемой с и.-и., должны были использовать конные боевые колесницы и у них должен быть представлен культ колесницы, нашедший яркое отражение в и.-и. мифологии.

Переднеазиатские письменные источники, свидетельствующие о распространении тактики колесничного конного боя, относятся только к XIV в. до н. э. Археологические материалы позволяют отодвинуть время появления колесниц в Старом Свете к XVI в. до н. э. Древнейшие изображения экипажей с колесами со спицами представлены на анатолийских печатях из Кюль-тепе и на месопотамских терракотовых плакетках, датирующихся начиная с первой четверти II тыс. до н. э. [119]. Вид запряженных эквидов на этих изображениях неясен, лошади это или онагры – спорно. Несомненные свидетельства распространения конной запряжки в Передней Азии – бронзовые дисковидные псалии с шипами – найдены на ряде поселений в Газе, Тель-эль-Аджуде, Рас-Шамре, Тель-Амарне, к сожалению, в неясных стратиграфических условиях и датируются около середины II тыс. до н. э. [127].

По форме переднеазиатские металлические псалии напоминают более архаичные костяные псалии евразийских степей от Украины до Западного Казахстана. Они обнаружены на памятниках культур многоваликовой керамики, абашевской, срубно-абашевской и раннеандроновской (ново-кумакского типа): Трахтемирово, Каменка, Суруш, Отрожка, Баланбаш, Кондрашовка, Старо-Юрьevo, Тавлыкаево, Утевка VI, Синташта II, Син-ташта I (15 экз.), Петровка, Новоникольское [46; 70].

Как показал А. М. Лесков [49], эти псалии аналогичны четырем псалиям из слоновой кости, найденным в IV шахтной гробнице Микен, относящейся к 1570–1550 гг. до н. э. [109], что определяет дату типа. Подобные псалии известны также в Подунавье вне четких культурных комплексов [123].

Итак, археологическими материалами засвидетельствовано распространение конных колесниц в XVI в. до н. э. от Греции до Западного Казахстана, а в Передней Азии – в середине II тыс. до н. э. и, может быть, раньше.

С какой из колесничных культур Старого Света могут быть соотнесены и.-и.? Культура микенской Греции эпохи шахтных гробниц принадлежала ахейцам, что установлено благодаря прочтению их письменности. Культура Передней Азии, как уже говорилось, не может рассматриваться как протоиндоиранская благодаря принципиальному отличию типа хозяйства; речь может идти только о проникновении на эту территорию пришлого и.-и. населения и его последующей ассимиляции (4-й тип ми-

грации), отражением чего в археологическом материале является распространение нового типа псалиев (усовершенствованного в Передней Азии), а лингвистически – появление в хурритском языке заимствованных и.-и. коневодческих терминов.

Таким образом, претендентами на и.-и. принадлежность остаются культуры евразийской степи от Украины до Западного Казахстана. Каков генезис этих культур и в какой мере хозяйство, социальная структура и идеология их носителей соответствуют реконструируемой лингвистически культуре протоиндоиранцев?

Во второй четверти II тыс. до н. э. в южнорусских степях прослеживается процесс бурных этнических передвижений (возможно, стимулированный изобретением колесниц), археологически отражающийся в смене ареалов культур и их локальных вариантов: движутся на восток абашевцы, отмечается смена культурных комплексов в Подонье, катакомбные памятники появляются в Дагестане, катакомбная и многоваликовая керамика – в Поволжье [9; 15; 39; 62]. Эти миграционные волны достигают Приуралья и Западного Казахстана [70]. В результате усилившихся межэтнических контактов и ассимиляционных процессов после стабилизации обстановки в степях Происходит формирование новых культурных общностей: срубной – в Поволжье и андроновской – в Приуралье и Западном Казахстане.

В формировании как срубной, так и андроновской культур участвует полтавкинский компонент, восходящий к ямной энеолитической культуре [57]. Судя по стратиграфии поселений, носители срубной культуры сменяют и частично ассимилируют носителей культур абашевской и многоваликовой керамики [9; 39; 40; 62]. В разных ареалах срубной культуры – в Поволжье, Подонье, Левобережной лесостепной Украине – роль этих субстратных культур различна, что в известной мере определяет специфику локальных вариантов.

Новейшие археологические открытия в Приуралье и Казахстане позволяют по-новому поставить вопрос и о формировании андроновской культурной общности. На этой территории выделена группа памятников, датирующихся по псалиям не позднее XVI в. до н. э., отражающих древнейший этап развития андроновской культуры – новокумакский, представленный могильниками Новый Кумак, Синташта I, II, Герасимовка, Степное, Царев Курган, Раскатиха, Петровка, Кенес, поселениями Петровка, Новоникольское, Конный Завод и др. [70].

В новокумакском комплексе выявляется сильнейшее воздействие культур южнорусских степей – полтавкинской, многоваликовой керамики, абашевской, – проявляющееся в деталях погребального обряда, культе

животных, в том числе коня, формах керамики, мотивах орнаментов, типах металлических изделий, костяных псалиев. Это позволяет сделать вывод, что решающим стимулом становления андроновской культуры на новокумакском этапе был западный импульс, миграция различных групп скотоводческого населения из южнорусских степей и ассимиляция ими аборигенов Приуралья и Казахстана. Отмечаемая в развитой андроновской культуре пестрота локальных вариантов и прослеживаемые традиции местного энеолита обусловлены, видимо, ролью различного субстратного населения.

Таким образом, сложение андроновской и срубной культурных общностей, формирующихся во второй четверти II тыс. до н. э. в результате передвижения, интеграции и ассимиляции различных культур, можно рассматривать как результат миграции 2-го типа.

Во второй половине II тыс. до н. э. происходит значительное расширение ареала как срубной, так и андроновской культур: срубники продвигаются по долинам рек на север глубоко в лесную зону, а также на запад, осваивая значительную часть территории Украины [9] и Крым. Отдельные волны срубного населения движутся и на юго-восток: могильники срубного типа открыты в Туркмении (Каралемата-сай и Патма-сай) [71] и в среднеазиатском Междуречье (Янги-юль).

Огромные территории оказываются освоенными андроновцами: они продвигаются на север вплоть до лесной зоны [64], расселяются по всему Казахстану [4; 53]. Один поток миграции идет на восток, памятники андроновского типа достигают Западной Сибири [51], другой поток движется на юг, в Среднюю Азию, достигая Туркмении, Южного Таджикистана и Афганистана. Расселение срубников и андроновцев чаще всего носит характер миграции 1-го типа: происходит прямой перенос культуры, лишь незначительно трансформирующейся на месте в результате разрыва старых связей и под влиянием аборигенного населения, что приводит к сложению локальных вариантов культуры. В других случаях имеет место формирование самостоятельных культур; так складывается тазабагьябская культура среднеазиатского Междуречья [36; 74], в генезисе которой, по-видимому, участвуют срубный, западноандоновский и местный компоненты (миграция 2-го типа).

Такому широкому и быстрому распространению культур на огромной территории евразийской степи способствует подвижной характер быта скотоводов.

Срубная и андроновская культурные общности, распространенные в единой культурно-хозяйственной зоне, сформировавшиеся при участии единых исходных компонентов (южнорусских культур раннебронзового

века), поддерживавшие между собой постоянные коммуникации, были очень близки друг другу как по типу хозяйства, так и по уровню социального развития и по идеологическим представлениям их носителей.

В евразийских степях в эпоху развитой бронзы утвердилось комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, основу которого составляло разведение крупного и мелкого рогатого скота и лошадей [81]. Во второй половине II тыс. до н. э. у некоторых групп населения сложились формы отгонного и кочевого скотоводства, что позволило освоить пустыни и высокогорья Средней Азии. Ремесленное производство не было специализированным и оставалось не товарным, а домашним, рассчитанным на удовлетворение потребностей общины. У срубников и андроновцев были развиты пчеловодство (бортничество), ткачество, ручное гончарство, камне- и деревообработка и костерезание и особенно металлообработка. В бронзо-литейном деле и рудодобыче были достигнуты большие успехи, металл шел на экспорт. Это доказывается тем, что, например, металлические изделия, изготовленные из руды еленовско-ушкаттинских месторождений, разрабатывавшихся населением небольшой группы андроновских поселков на Южном Урале, обнаружены на многих срубных памятниках широкого ареала [82]. Следовательно, у срубников и андроновцев существовал обмен, носивший, видимо, еще достаточно примитивный характер.

Основным типом жилища в евразийских степях была большая полуземлянка, площадью от 70 до 200 кв. м и более, со стенами из дерева и пахсы, иногда укрепленными каменными блоками, с шатровым или ступенчатым каркасным перекрытием, крепившимся на опорных столбах (до нескольких десятков в одном доме), с системой хозяйственных и культовых очагов и световыми отверстиями в кровле. Этот тип жилища был предназначен для постоянного обитания большесемейной общины [4; 53; 64].

Другой сложившийся в андроновскую эпоху тип – круглое в плане легкое каркасное жилище типа юрты, сооружавшееся пастухами на кратковременных стоянках при сезонных перекочевках [36]. Костюм евразийского степного населения составляли рубаха, штаны и мягкие сапоги, у андроновцев известна также войлочная шапка типа башлыка [64].

В культуре евразийского степного населения большую роль играло коневодство. Андроновцами впервые в истории Старого Света были выведены специализированные породы лошадей: тяжеловозы, достигавшие 160 см и больше высоты в холке, предназначенные для запряжки в большие тяжелые телеги, и высокопородные грацильные тонконогие лошади (предки знаменитых на весь мир коней несейской породы, линию кото-

рых продолжают современные ахалтекинцы), предназначенные для запряжки в легкие колесницы [81].

С раннеандроновскими памятниками XVI в. до н. э. связаны древнейшие свидетельства распространения конных колесниц. В могильнике Синташта в Приуралье, относящемся к новокумакскому этапу, найдены остатки древнейшей в Старом Свете двухколесной одноосной колесницы (имевшей колеса с девятью спицами) [19; 20].

В том же могильнике открыты захоронения взнузданных коней с псалиями. Захоронения коней колесничной запряжки (или только их голов) исследованы в других новокумакских могильниках – Троицке, Степном, Царевом Кургане, Раскатихе, Петровке [70]. Этот ритуал сохранялся и в пору расцвета срубной и андроновской культур и выявлен во многих погребениях, содержащих захоронения воинов, положенных, как правило, с богатым набором вооружения [45; 67; 68].

На широкое распространение колесниц у носителей андроновской и срубной культур указывают и многочисленность костяных псалий, и интенсивный поиск новых их типов. На смену дисковидным псалям с шипами XVI в. до н. э. в середине II тыс. приходят дисковидные псалии без шипов, находящие аналогии в культурах Подунавья, и прямоугольные, ранний вариант которых, представленный в Мирном IV, в Приуралье, может рассматриваться как прототип II класса металлических псалий Передней Азии [46; 68].

О культе колеса и колесницы у носителей срубной и особенно андроновской культур свидетельствуют и находки глиняных моделей колес и бронзовых блях, имитирующих колесо со спицами, а также сосудов с изображениями колес со спицами или колесниц с конной запряжкой (Политотдельское, Львово, Ждановск, Полянский, Сухая Саратовка II, Спаское) [44].

Стиль изображений колесниц на сосудах сходен с изображениями на петроглифах Казахстана (Тамгалы, Каратау, Смагул), Тянь-Шаня (Саймалы-Таш) и Памира (Текке-Таш, Акджилга) [37; 83], что дает надежные основания, во-первых, отнести петроглифы ко второй половине II тыс. до н. э., а во-вторых, говорить о широком распространении культа колесницы у носителей андроновской культуры.

В религии носителей андроновской и срубной культур первостепенное значение имели жертвоприношения: заклания коней, быков и овец совершались при основании поселения, на общенародных торжествах, при закладке дома, а также при погребении.

Другим важным фактором в идеологии срубных и особенно андроновских племен был культ огня. Археологическое отражение его – специальные

зольники на поселениях и круглые или прямоугольные культовые очаги в жилищах. О роли огня в погребальном ритуале свидетельствуют находки в могилах обгорелого дерева, угля и золы, а также практика трупосожжения.

Очень развит был культ предков. Захоронения совершались на специальных кладбищах в могильных ямах, перекрытых курганными насыпями, иногда окруженными деревянной или каменной оградой. У некоторых групп андроновского населения сооружение прямоугольной или чаще круглой каменной ограды было обязательно.

Как у срубников, так и у андроновцев наряду с обрядом трупоположения практиковался обряд трупосожжения. У некоторых групп андроновского населения трупосожжение было обязательным [4; 53; 64; 67].

Отмечены случаи парных разнополюх захоронений, вероятно связанные с выделением парной семьи, и обособление детских погребений, иногда вынесенных на особые кладбища.

При захоронении приносились жертвы. В могилы обязательно ставили сосуды с едой и клали принесенных в жертву животных – овцу, быка и коня (или только их головы и ноги).

От рядовых погребений отличались захоронения воинов-колесничих: их могилы выделяются размерами погребальной камеры и грандиозностью курганной насыпи или величиной каменной ограды, наличием набора вооружения (лук со стрелами, топор, копье, кинжал), а также захоронением вместе с умершим пары коней (или только одного коня) колесничной запряжки, иногда взнузданных. Такие захоронения конных воинов особенно характерны для раннесрубной культуры и для андроновской на новокумакском и алакульском этапах.

Выделение погребений воинов-колесничих из числа могил рядовых общинников позволяет сделать вывод о том, что скотоводческое общество евразийских степей было стратифицированным и в нем выделилось особое сословие воинов-колесничих, занимавших привилегированное положение [45; 70], и сословие рядовых общинников¹¹.

Итак, реконструируемая по лингвистическим данным и письменной традиции картина хозяйства, быта, идеологии и социального строя и.-и. из всех культур II тыс. до н. э. наиболее соответствует картине, реконструируемой по археологическим данным срубной и андроновской культурных общностей в евразийских степях. Совпадение прослеживается во всех деталях как материальной, так и духовной культуры, что является веским аргументом в пользу гипотезы об и.-и. принадлежности части населения евразийских степей эпохи бронзы.

Однако следует отметить, что многие стороны реконструируемой и.-и. культуры были в равной мере характерны и для других и.-е. народов:

культ коня и колесницы, культ огня, практика жертвоприношений и т. д. Поэтому приведенные сопоставления вполне убедительны на и.-е. уровне, но на и.-и. уровне недостаточны [48].

Следующим шагом в отождествлении и.-и. этноса с конкретной археологической культурой должно быть выявление этнических индикаторов, которые четко отличают культуру и.-и. от других и.-е. Такими этническими индикаторами являются данные о том, что из всех и.-е. народов только и.-и. почти не разводили свиней и не приносили их в жертву, что только и.-и. разводили двугорбых верблюдов и только у них был культ этого животного.

Насколько мне известно, единственной культурой бронзового века, в которой не практиковалось свиноводство, была андроновская: на поселениях этой культуры кости свиньи отсутствуют, нет ни одного случая жертвоприношения свиньи [81]. Что касается срубной культуры, то в остеологических материалах свинья представлена, хотя культа этого животного нет.

Особенно важными для реконструкции истории и.-и. представляются данные о верблюдоводстве. В культуре всех и.-и. был очень развит культ двугорбого верблюда в сочетании с культом коня [43; 96]. Напротив, народам Передней Азии вплоть до ассирийской эпохи был известен только одногорбый верблюд, никогда не бывший там культовым животным [130]. У всех и.-е. народов, кроме и.-и., нет никаких признаков древнего знакомства с верблюдом и решительно никаких следов его культа. Название верблюда в и.-е. языках, кроме и.-и., – позднее заимствование из семитского *gamal*, обозначающего одногорбого верблюда [97; 130]. В и.-и. языках двугорбый верблюд называется общим словом: древнеиндийское *ustra*, авестийское *uštra* [8; 128] (от *vāh* – «светить», по Майерхоферу, или от *vah* – «везти», по Барроу), из чего следует, что и.-и. познакомились с этим животным после того, как они ушли с и.-е. прародины, но еще не разделились на индийскую и иранскую ветви. В зоне, где они продолжали контактировать друг с другом, у них сложился культ двугорбого верблюда, играющего особую роль в мифологии иранцев.

По данным палеозоологии и археологии, двугорбый верблюд был одомашнен в конце IV тыс. до н. э. в Туркмении [80] и в III тыс. до н. э. стал широко использоваться там для запряжки в четырехколесные повозки [47]. В середине II тыс. до н. э. с двугорбым верблюдом впервые познакомились мигрировавшие из южнорусских степей протоандроновцы, и в их культуре утвердилось верблюдоводство и сложился культ этого животного [43]¹². Кости двугорбого верблюда найдены на андроновских поселениях Алексеевка, Ата-су, Усть-Нарым и на тазабагъябском поселении

Кокча 15, ритуальное захоронение верблюжонка открыто в андроновском могильнике Аксу-Аюлы II, глиняные фигурки верблюдов – на андроновском поселении Ушкатты и на тазабагъябском Каунды [36; 43; 53].

Многочисленные изображения двугорбых верблюдов, свидетельствующие о почитании этого животного, представлены на петроглифах Казахстана и Средней Азии (Койбагар, Ариаузен, Тамгалы, Саймалы-Таш, Букан-тау) и многих других [37; 83].

Итак, андроновская культура – единственная известная культура, в которой сочетаются культы другорбого верблюда, коня, быка, овцы при отсутствии культа свиньи; в которой известно очень раннее распространение конных колесниц, культ колесниц и выделение сословия воинов-колесничих; в которой развит культ огня (в том числе домашнего очага); в которой умерших хоронят в могилах под курганами с оградой по обряду труположения или трупосожжения; в которой хозяйство носит комплексный земледельческо-скотоводческий характер с доминантой скотоводства, т. е. хозяйство, быт, социальный строй, ритуал и верования носителей андроновской культуры соответствуют картине, реконструируемой по языковым данным для и.-и., что дает надежное основание признать андроновцев носителями и.-и. речи.

Этот вывод согласуется и с заключением об и.-и. принадлежности андроновцев, независимо полученным ранее путем ретроспективного анализа.

III. Наложение на археологическую карту данных топонимики

На географическую зону, в которой обитали древние и.-и., возможно, указывает то, что и.-и. языки не сохранили общеиндоевропейских слов «ель», «болото», что позволяет предполагать, что и.-и. локализовались не в лесной, а в степной зоне.

Для определения территории и.-и. прародины первостепенное значение имеет предлагавшееся многими исследователями отождествление легендарной реки Ранхи с Волгой, а Рипейских гор – с Уралом [13; 30; 116].

В. Миллером [60] была определена иранская этимология ряда географических названий в Северном Причерноморье. Этот список был значительно пополнен В. И. Абаевым [1]. Большое количество иранских гидронимов было выявлено в Поднепровье [72; 75].

Выдвигалось предположение, что иранская топонимика в Причерноморье связана с приходом туда скифов. Однако С. С. Березанская [9], наложив гидронимы Верхнего и Среднего Поднепровья на археологическую

карту, показала, что ареал иранских названий не совпадает с границами распространения скифской культуры, а полностью совмещается с территорией срубной культуры, что служит веским аргументом в пользу признания и.-и. (протоиранской) принадлежности срубников.

Наряду с иранскими топонимами на территории Северного Причерноморья, в Подонье и Прикубанье, О. Н. Трубачевым [76; 77] вслед за Кречмером установлены и.-а. топонимы. Даже если бы малая часть топонимов Причерноморья оказалась и.-а., это имело бы значение, позволяя включать территорию Северного Причерноморья в зону обитания и.-и.

И.-и. топонимика выявлена также и на территории Поволжья и Приуралья [61]. Среди гидронимов этой зоны выделяется большая группа названий на «мара», которые исследователи считают и.-а. (от санскр. *maṛa* – «море»). В ишкашимском, ваханском и хотанском языках сохранились очень архаичные формы, находящие параллели в санскрите [121; 122].

Таким образом, анализ топонимики позволяет предполагать, что и.-и. обитали на территории южнорусских степей, откуда частично мигрировали на восток – в Казахстан и Среднюю Азию (где познакомились с двугорбым верблюдом). Дальнейшая миграция и.-а. в Индию происходила, вероятно, через территорию юга Средней Азии, Афганистана и Восточного Ирана.

IV. Контакты индоиранцев с носителями других языков

А. Греко-индоиранские связи

Как в языке, так и особенно в мифологии прослеживаются ареальные греко-и.-и. контакты: сходство Эос и Ушас, Пана и Пушана, сходство функций и эпитетов солярных божеств [29]. Особенно показательны общие греко-и.-и. формулы «быстроконное солнце» [34; 131] и мифологемы солнце – бог-лучник и солнце-конь-птица. Они не могли быть наследием общеиндоевропейского состояния, а могли возникнуть только после изобретения конных колесниц, т. е. не ранее XVI в. до н. э., из чего следует, что греки и и.-и. в эту эпоху должны были жить на соседних территориях и поддерживать постоянные контакты. Более того, образ солярного бога, мчащегося на колеснице, запряженной то конями, то птицами (в частности, гусьями-лебедями), мог зародиться только на севере – в Европе, где прилет птиц символизирует весну.

В языке микенской Греции, судя по документам из Пилоса, засвидетельствованы заимствования из и.-и., в частности слова «лук» и «колчан» [95]. В этой связи интересны археологические факты, выявленные при

раскопках шахтных гробниц Микен [109]. Там найдены каменные стрелы, бронзовые копья, выпрямитель древков стрел, украшения из клыков кабана, выявлены некоторые детали погребального обряда, находящиеся аналогии в культуре южнорусских степей.

В свою очередь, в степях – вплоть до Южного Приуралья и Западного Казахстана – найдены импортные микенские вещи и предметы, украшенные специфически микенскими орнаментами [70].

Особое значение имеет единство типа псалиев [46; 49], применявшихся для запряжки колесничных коней в микенской Греции и в степях в эпоху сложения срубной и андроновской культур, а также появление в Греции обряда ритуального захоронения коня, не имеющего истоков в предшествующих культурах Эллады и всего Средиземноморья, но традиционного, в Северном Причерноморье [45].

Эти факты позволяют предполагать особую роль контактов микенских греков с населением южнорусских степей в XVI в. до н. э. – в период распространения конных колесниц и сложения их культа – и могли бы хорошо согласоваться с данными о сходстве греческих и и.-и. мифологем, связанных с солярной колесницей, если принять гипотезу об и.-и. принадлежности носителей раннесрубной и раннеандроновской культур.

Б. Финноугорско-индоиранские связи

Исследователи отмечали активное и длительное влияние и.-и. языков; на финно-угорские. Оно проявляется прежде всего в терминах, связанных с производящим хозяйством: в названиях злаков, золота, домашних животных, в том числе лошади и двугорбого верблюда [107a]; следовательно, контакты и.-и. с финно-уграми были особенно активны в эпоху становления у последних производящего хозяйства, формировавшегося под влиянием более развитых и.-и. племен.

Большой пласт и.-и. заимствований выявлен и в финно-угорской мифологии и фольклоре: это и имена мифологических персонажей, и образ божества на белом коне, и ритуалы (в том числе обряд жертвоприношения коня), и культовые термины [7; 13; 40]. Наряду с иранскими выделяются и.-а. заимствования, например *asura* [8], из чего следует, что контакты, относятся к доскифской эпохе.

По мнению большинства современных лингвистов, прародина финно-угров локализовалась в лесной зоне Евразии, простираясь до Зауралья.

В этой зоне, по археологическим материалам, во второй половине II тыс. до н. э. происходит распространение производящего хозяйства, в становлении которого решающую роль играет прогрессивное влияние

срубной и андроновской культур, продвинувшихся по долинам рек на север. На границах леса и лесостепи, особенно на Урале, в результате ассимиляции пришлых степняков лесными племенами (миграция 3-го типа) формируются синкретические «андроноидные» культуры [64], у носителей которых получают распространение не только скотоводство, коневодство и андроновские типы металлических изделий, но и культ коня и андроновские орнаменты, доказывающие, что взаимодействие не ограничивалось хозяйственной сферой, что культурное влияние было глубоким и в области идеологии.

Если верна гипотеза лингвистов о локализации финно-угорской прародины в лесной зоне Евразии, включая Приуралье, то отмеченные археологические факты не могут быть объяснены иначе, как взаимодействием финно-угорских и и.-и. племен, что служит еще одним (и опять независимым!) аргументом в пользу и.-и. принадлежности носителей срубной и андроновской культур.

* * *

Итак, проверка гипотезы об и.-и. принадлежности части населения евразийских степей II тыс. до н. э. (носителей срубной и андроновской культур), проведенная независимо различными методами с учетом различных археологических и лингвистических материалов, дала непротиворечивые результаты, что позволяет считать выдвинутую гипотезу научно обоснованной.

Что касается дальнейших судеб и.-и., то на современном этапе не представляется возможным соотнесение с конкретными археологическими культурами ни культуры ведических ариев, мигрировавших в Индию, ни культуры иранцев, пришедших на Иранское плато.

Как показал Б. Тхапар [134], все попытки связать с ариями различные археологические культуры Индостана остаются недостаточно обоснованными и противоречивыми.

Таково же положение в Иране, где, по заключению И. Н. Медведской [56], выдвигавшаяся К. Янгом гипотеза, по которой появление в Иране в последней четверти II тыс. до н. э. серо-черной лощеной керамики связано с распространением иранского этноса, не подтверждается ни археологическими материалами (серая керамика не отражает передвижения носителей единой керамической традиции), ни сопоставлением с лингвистическими данными (серая керамика оказывается в районах с заведомо неиранским населением).

По письменным источникам известно, что даже в ахеменидскую эпоху большую часть ремесленников при персидском дворе составляли

отнюдь не персы; ремесленниками были древнее местное население (в частности, эламитяне) и представители других древнеземледельческих народов, покоренных Ахеменидами. Следовательно, приход иранцев в Иран не принес изменений в сферу ремесленного производства, и мы не вправе ожидать археологического отражения этого явления в смене керамического комплекса и других производственных традиций.

Что касается древнеземледельческих областей юга Средней Азии и Афганистана, то и там пока нет объективных данных, чтобы установить, в какой момент происходит смена этноса; не случайно ее связывают то с эпохой Намазга VI [54], то со II–III тыс. до н. э. [65], то относят к IV тыс. до н. э. [78; 102].

По-видимому, эта трудность соотнесения этноса с археологической культурой связана с отсутствием археологических критериев миграции 4-го типа, при которой население, придя в более развитую культурно-хозяйственную зону, воспринимает материальную культуру аборигенов.

Представляется, что миграции 4-го типа, когда имеет место постепенное проникновение на новую территорию относительно небольших по численности групп мигрантов, подчиняющих себе местное население, но воспринимающих его материальную культуру, находят отражение прежде всего и главным образом в смене идеологических представлений, в археологическом материале проявляющееся в распространении нового типа погребального обряда, культа новых животных, новых образов в искусстве.

По-видимому, был прав Р. Гиршман [101], когда интерпретировал появление в Сиалк В изображений лошадей, крылатых коней, конных всадников как доказательство прихода ираноязычного населения.

Выявленные в настоящее время на памятниках Ирана начала I тыс. до н. э. ритуальные захоронения коней, находки произведений искусства со становящимися популярными только с этого времени изображениями коней, двугорбых верблюдов, всадников, сюжетов единоборства, отражающих идеологические представления иранцев, – вот, по-видимому, главные доказательства иранизации населения Ирана.

Что касается Индостана, то обращают на себя внимание материалы погребений Свата, Гандхары и Гомала. Открытые там типы погребений, чуждые древней местной традиции, но перекликающиеся с обрядом тулхарской (вахшской) культуры в Южном Таджикистане [71], ритуальные захоронения лошадей и изображения коня в пластике, может быть, намекают на миграцию из Средней Азии в Индию и.-а. или других и.-и. – кафиров [112].

Вероятно, с тем же процессом инфильтрации и.-и. населения из Средней Азии связано появление на поселении Пирак в Пакистане, дати-

рующемся второй половиной II–началом I тыс. до н. э., фигурок двугорбых верблюдов, лошадей и всадников [107], причем в комплексе с керамикой, сделанной в кветтской традиции (из чего следует, что смена идеологических представлений происходила при сохранении производственных традиций).

Важным аргументом в пользу локализации прародины населения, приведшего в Индостан двугорбого верблюда, коня и колесницу, служит манера изображения колесниц на петроглифах. Открытые в Индии изображения конных колесниц [38; 113] выполнены не в переднеазиатской профильной манере, а как бы в плане – так, как изображались колесницы в широком поясе Северной Евразии. Стилистически индийские колесницы близки культовым изображениям на петроглифах Средней Азии и Казахстана [47], что скорее всего отражает путь, по которому пришли в Индию носители этого художественного стиля и этого культа.

Что касается земледельческих областей юга Средней Азии и Афганистана, то логически можно предполагать, что во второй половине II тыс. до н. э. здесь уже обитали и.-и. племена; эта гипотеза дает наибольшую возможность объяснить отмечаемые исследователями лингвистические явления. По гипотезе, отстаиваемой Т. Барроу [91] и Г. Моргенштерне [121; 122] и аргументированной распространением различных (в том числе сохраняющих очень архаичные черты) индоарийских, иранских и кафирских языков в пограничной зоне Северного Индостана, а также характером взаимоотношений языков и мифологии протоиранцев и протоиндо-ариев, предки индоариев длительное время находились на территории юга Средней Азии и Афганистана, откуда позднее были вытеснены иранцами.

Для идентификации той или другой группы с конкретными археологическими культурами пока нет объективных данных. Как уже подчеркивалось, преемственность керамической традиции ремесленного гончарного, производства, прослеживаемая в Бактрии [112], не может быть бесспорным доказательством этнической преемственности населения. Решающее значение при изучении сложной этнической истории Южной Средней Азии и Афганистана, по-видимому, будет иметь тщательный анализ в плане и.-и. традиции семантики образов изобразительного искусства, для чего, археология уже сейчас дает богатый материал [65].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предполагалось также, что установление древних названий растений, животных и природных явлений позволяет путем наложения на палеогеографическую карту очер-

тить ареал обитания древних носителей языка, на чем в значительной мере были основаны выводы лингвистов начала XX в. о локализации и.-е. прародины в Центральной Европе. Однако теперь установлено, что при миграции в другую географическую зону старые названия переносятся на другие объекты.

² В установлении ареала древних языков первостепенное значение имеют данные топонимики.

³ Следует иметь в виду, что европейская хронология остается крайне спорной. Мы придерживаемся традиционных дат; использование калиброванных дат по С 14 приводит к удревнению культур на 500–700 лет по сравнению с традиционными.

⁴ Этот тип миграции включает обходную миграцию, по Л. С. Клейну [41], и кооперативную миграцию, по Р. Хахманну [103], при которых мигранты проходят по территории нескольких культур, увлекая за собой часть других этнических групп, в результате чего новая культура представляет сплав различных элементов.

⁵ И. М. Дьяконов [26] убедительно показал, что даже существенные этнические передвижения, надежно засвидетельствованные письменными источниками, не оставили подчас никаких следов в материальной культуре городов Передней Азии.

⁶⁻⁷ Интересным примером служит появление в Анатолии вместе с фригийцами кроме всадничества и культа коня также двускатных крыш в культовых постройках, резко отличающих фригийскую архитектуру от переднеазиатской, в которой типичны плоские крыши, и сохраняющих архитектурные традиции Европы, где этот тип крыши обусловлен большим количеством годовых осадков.

⁸ В. Ф. Генинг предлагал использовать этот метод в обход признаваемого нами определяющим ретроспективного метода и отождествлять письменные источники «с археологическими в пределах памятника или археологической культуры, ограниченных во времени и пространстве» [20, с. 55]. Такой произвольный выбор сопоставимого материала представляется методически неверным. В случае разбираемого В. Ф. Генингом могильника Синташта сопоставление с источниками хеттскими, греческими микенского периода, «Илиадой» позволило бы выявить целый ряд аналогий, но не дало бы истинной этнической атрибуции.

⁹ Следует отметить, что среди южнотуркменских топонимов, представленных на черепках античной Нисы, как указал нам В. А. Лившиц, выделяется ряд названий, не объяснимых ни из и.-и., ни из других и.-е. языков.

¹⁰ На севере Туркмении, в дельте Мургаба, в неясных стратиграфических условиях в комплексе поздней Намазга V или VI найдены кости лошади и модели колес с четырьмя и восемью спицами вместе со степной северной керамикой [53а].

¹¹ Что касается жречества, то археологически эта группа, хорошо фиксирующаяся в обществе саков и савроматов раннежелезного века, по материалам бронзового века пока четко не выделяется, хотя можно отметить открытие ряда погребений с сосудами, украшенными изображениями мифологических сюжетов, отдельные находки скипетров, погребения с бедным инвентарем, но большой насыпью или могилы, отличающиеся по

обряду, которые в дальнейшем, при более тщательном анализе и сопоставлении с письменной традицией, возможно, удастся интерпретировать как жреческие погребения.

¹² В срубной культуре кости двугорбого верблюда найдены на поселении в Воронеже.

ЛИТЕРАТУРА

1. АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
2. АБАЕВ В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. – Древний Восток и античный мир. М., 1972.
3. АКИШЕВ К. А. Саки азиатские и скифы европейские. – Археологические исследования в Казахстане. А.-А., 1973.
- 4–5. Андроновская культура. Памятники западных областей (САИ В 3–2). М., 1966.
6. АСКАРОВ А. Сапаллтепа. Таш., 1973.
7. АСКАРОВ А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Таш., 1977.
8. БАРРОУ Т. Санскрит. М., 1976.
9. БЕРЕЗАНСКАЯ С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. Автореф. докт. дис. Киев, 1977.
10. БИБИКОВА В. И. До історії domestикації коня на піденному сході Європі. – «Археологія». XXII. Київ, 1969.
11. БИБИКОВА В. И. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. – «Бюллетень Московского общества испытателей природы». XXIII, 1967; XXV, 1970.
12. БОНГАРД-ЛЕВИН Г. М., ИЛЬИН Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969.
- 13–14. БОНГАРД-ЛЕВИН Г. М., ГРАНТОВСКИЙ Э. А. От Скифии до Индии. М., 1976. 15.
15. БРАТЧЕНКО С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
16. ВАСИЛЬЕВ И. Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дне. М., 1979.
17. ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В., ИВАНОВ Вяч. Вс. Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка. – Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Тезисы докладов. М., 1972.
18. ГАФУРОВ Б. Г. Таджики. М., 1972.
19. ГЕНИНГ В. Ф., АШИХМИНА Л. И. Могильник эпохи бронзы на р. Синташта. – АО 1974. М., 1975.
20. ГЕНИНГ В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. – СА. 1977, № 4.
21. ГЕРЦЕНБЕРГ Л. Г. Морфологическая структура слова в индоиранских языках. Л., 1972.

22. ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Индоиранские касты у скифов. – XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
23. ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии-М., 1970.
24. ИСЛАМОВ У., АСКАРОВ А., ГУЛЯМОВ Я. Г. Первобытная культура в низовьях Зеравшана. Таш., 1966.
25. ДЬЯКОНОВ И. М. История Мидии. М.–Л., 1956.
26. ДЬЯКОНОВ И. М. Народы древней Передней Азии. – Переднеазиатский этнографический сборник. I. М., 1958.
27. ДЬЯКОНОВ М. М. Сложение классового общества в северной Бактрии. – СА. 1954, XIX.
28. ДЬЯКОНОВ М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
29. ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я. Комментарий. – Ригведа. М., 1972.
30. ИВАНОВ В. В. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным. – ВИМК. 1957, № 1.
31. ИВАНОВ В. В. О языковой принадлежности арийских элементов в ближневосточных текстах II тыс. до н. э. – Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
32. ИВАНОВ Вяч. В с. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva – «конь». – Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
33. ИВАНОВ В. В., ТОПОРОВ В. Н. Санскрит. М., 1960.
34. ИВАНОВ В. В. Использование для этимологических исследований сочетаний, однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. – Этимология. 1967. М., 1969.
35. ИТН. Т. I. М., 1963.
36. ИТИНА М. А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
37. КАДЫРБАЕВ М. К., МАРЬЯШЕВ А. Н. Наскальные изображения хребта: Каратау. А.-А., 1977.
38. КАСАМБИ Д. Культура и цивилизация древней Индии. М., 1968.
39. КАЧАЛОВА Н. К. Абашевские элементы срубной культуры Нижнего Поволжья. – Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 17. Л., 1976.
40. КАЧАЛОВА Н. К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.– СА. 1978, № 3.
41. КЛЕЙН Л. С. Археологические признаки миграции. – IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, 1973). М., 1973.
- 41а. КЛЕНГЕЛЬ Х. Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии. – ВДИ. 1967, № 4.
42. КУЗЬМИНА Е. Е. Могильник Заман-баба. – СЭ. 1958, № 2.
43. КУЗЬМИНА Е. Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов. – СА. 1963, № 2.

44. КУЗЬМИНА Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. – ВДИ. 1974, № 4.
45. КУЗЬМИНА Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. – Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
46. КУЗЬМИНА Е. Е. Еще раз о дисковидных псалнях евразийских степей. – КСИА. № 161. М., 1980.
47. КУЗЬМИНА Е. Е. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху неолита и бронзы. – ВДИ. 1980. № 4.
48. ЛЕЛЕКОВ Л. А. [Рец. на:] GHIRSHMAN R. L' Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens. Leiden, 1977. – «Народы Азии и Африки». 1978, № 5.
49. ЛЕСКОВ А. М. Древнейшие роговые псални из Трахтемирова. – СА. 1964, № 1.
50. ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Древние кочевники «Крыши Мира». М., 1972.
51. МАКСИМЕНКОВ Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
52. МАНДЕЛЬШТАМ А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – МИА. № 145. Л., 1968.
53. МАРГУЛАН А. Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А., 1966.
- 53а. МАСИМОВ И. С. Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба. – СА. 1979, № 1.
54. МАССОН В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. – МИА. № 73. М.–Л., 1969.
55. МАССОН В. М. Раскопки на Алтын-депе. Аш., 1970.
56. МЕДВЕДСКАЯ И. Н. Иран в последней четверти II тыс. до н. э. Автореф. канд. дис. Л., 1978.
57. МЕРПЕРТ Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дис. М., 1968.
58. МЕРПЕРТ Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.
59. МЕРПЕРТ Н. Я. Миграция в эпоху неолита и энеолита. – СА. 1978, № 3.
60. МИЛЛЕР В. Осетинские этюды. III. М., 1887.
61. ПОПОВ С. А., ЛОЙФМАН Н. Я. Из спостережень над топонімікою Оренбурзької області. – Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1962.
62. ПРЯХИН А. Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
63. ПУГАЧЕНКОВА Г. А. Новый памятник древнебактрийской культуры.– Успехи среднеазиатской археологии. I. Л., 1972.
64. САЛЬНИКОВ К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
65. САРИАНИДИ В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
66. СМЕРНОВ К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов. – СА. 1957, № 3.
67. СМЕРНОВ К. Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. – СА. 1957, XXVII.

68. СМЕРНОВ К. Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. – СА. 1961, № 1.
69. СМЕРНОВ К. Ф. Савроматы. М., 1964.
70. СМЕРНОВ К. Ф., КУЗЬМИНА Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
71. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.– Л., 1966.
72. СТРИЖАК О. С. Гидронимия Среднеднепровского левобережья. Автореф. канд. дис. Киев, 1965.
73. ТЕЛЕГИН Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973 .
74. ГОЛСТОВ СП. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- 74а. ТОПОРОВ В. Н. К иранскому влиянию в финно-угорской мифологии. – Финно-угорские народы и Восток. Тарту, 1975.
75. ТОПОРОВ В. Н., ТРУБАЧЕВ О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
76. ТРУБАЧЕВ О. Н. О синдах и их языке. – ВЯ. 1976, № 4.
77. ТРУБАЧЕВ О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. – ВЯ. 1977, № 6.
78. ХЛОПИН И. Н. Индоиранцы: земледельцы или скотоводы? – «Вопросы истории». 1970, № 10.
79. ЦАЛКИН В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
80. ЦАЛКИН В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии. – «Бюллетень Московского общества испытателей природы». 1970, № 1.
81. ЦАЛКИН В. И. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье. – Труды Московского общества испытателей природы. Т. XLVIII. М., 1972.
82. ЧЕРНЫХ Е. Н. Металл – человек – время. М., 1972.
83. ШЕР Я. А. К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Саймалы-Таш. – Культура Востока. Л., 1978.
84. ШИЛОВ В. П. Похождения кочового скотарства у Східній Європі. – Українській історичній журнал. Київ, 1970, № 7.
85. ШРАДЕР О. Индоевропейцы. М., 1913.
86. ADAMS W. Invasion, Diffusion, Evolution? – «Antiquity». XLII. 1968, № 167.
87. ARNE T. Excavations at Shah Tepe. Stockholm, 1945.
88. BAILEY H. Ariana. – Donum Natalicium H. Nyberg Oblatum. Uppsala, 1955.
89. BAILEY H. A Problem of the Indo-Iranian Vocabulary. – RO. XXI. Warszawa, 1957.
90. BAILEY H. Languages of the Saka. – Handbuch der Orientalistik. I. Bd IV. Leiden – Koln, 1958.
91. BARROW T. The Proto-Indoaryans. – JRAS. 1973, № 2. 1973, № 2.
92. BENVENISTE E. Les classes sociales dans la tradition avestique. – JA. CCXXI, 1932. CCXXI, 1932.

93. BENVENISTE E. Traditions indo-iraniennes sur les classes sociales. – JA. CCXXX, 1938.
94. BENVENISTE E. Etudes sur quelques textes sogdiens Chrétiens. – JA. T. 243, fasc. 3, 1955.
95. BENVENISTE E. Relations lexicales entre la Perse et la Grèce ancienne. – *Lai Persia e il mondo greco-romano*. Roma, 1966.
96. BOYCE M. *A History of Zoroastrianism*. I. Leiden–Köln, 1975.
97. BULLIET R. *The Camel and the Wheel*. Cambridge (Mass.), 1975.
98. CHILDE G. The First Wagons and Carts from Tigris to the Severn. – «Proceedings of the Prehistoric Society». XVII, 1951.
- 98a. DESHAYES J. New Evidence for the Indo-Europeans from the Tureng Tepe-Iran. – «Archaeology». 22, № 1, 1969.
99. DUMONDE P. *L’Ashvamedha, description du sacrifice solennel du cheval dans le culte védique*. P., 1927.
100. GEIGER W. *Ostiranische Kultur im Altertum*. Erlangen, 1882.
101. GHIRSHMAN R. Fouilles de Sialk pres de Kashan. II. P., 1938.
102. GHIRSHMAN R. *L’Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens*. Leiden, 1977.
- 103–104. HACHMANN R. *Die Goten und Skandinavier*. B., 1970.
105. HERTEL J. *Die arischen Feuerlehre*. – *Indogermanische Quellen und Forschungen*. Lpz., 1925.
106. HILZHEIMER M. The Evolution of the Domestic Horse. – «Antiquity». 1935, 9.
107. JARRIGE J.-F., ENNAUIT J.-F. Fouilles de Pirak – Baluchistan. – «Arts asiatiques». XXXII, 1976.
- 107a. JOKI A. *Uralier und Indogermanen*. Helsinki, 1973.
108. KAMMENHUBER A. *Hippologia Hethitica*. Wiesbaden, 1961.
109. KARO G. *Die Schachtgräber von Mykenai*. München, 1930.
110. KOPPERS W. *Pferdeopfer und Pferdekult der Indo-Germanen*. – «Die Indo-Germanen und Germanenfrage». IV. Lpz., 1936.
111. KUPPER J. *Les nomades en Mesopotamie au temps des rois de Mari*. P., 1957-
112. KUZMINA E. E. The «Bactrian Mirage» and the Archaeological Reality. – «East and West». 26. 1976, No. 1–2.
113. LAL B. B. Expeditions and Excavations since Independence. – «Central Forum». 4. 1961, No. 2.
114. LITTAUER M., CROUWEI J. The Origin and Diffusion of the Cross-bar-Wheel? – «Antiquity». 1977, № 202.
115. LUNDHOLM B. *Abstammung und Domestikation des Hauspferdes*. – *Zoologiska Bidrag från Uppsala*. XXVII. Uppsala, 1947.
116. MARQUART J. *Wehrot und Arang*. Leiden, 1938.
117. MAYRHOFER M. *Die Indo-Arier im Alten Vorderasien*. Wiesbaden, 1966.

118. MAYRHOFER M. Die Arier im Vorderen Orient – ein Mythos? Wien, 1974.
119. MOOREY P. The Earliest Near Eastern Spoked Wheels and Their Chronology. – «Proceedings of the Prehistoric Society». XXXIV. Cambridge, 1970.
120. MOOREY P. Pictorial Evidence for the History of Horse-riding in Iraq before-the Kassite Period. – «Iraq». XXXII. 1970, No. 1.
121. MORGENSTIERNE G. Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973.
122. MORGENSTIERNE G. Ancient Contacts between N-E Iranians and Indo-Arian? – Mélanges linguistiques offerts à E. Benveniste. P., 1975.
123. OANCEA A. Branches de mors au corps en forme de disque. – Thraco-Dacica-Bucuresti, 1976.
124. OIDENBERG H. Die Religionen des Veda. B., 1894.
125. PEDERSEN H. The Discovery of Language. Cambridge, 1931.
126. PIGGOTT S. The Earliest Wheeled Venicles and the Caucasian Evidence. – «Proceedings of the Prehistoric Society». 1968, XXXIV.
127. POTRATZ J. Die Pferdetransportwagen des Alten Orient. – AnOr. 1966, 41.
128. REDARD G. Notes de dialectologie iranienne. II. Camelina. – Indo-Iranica. Wiesbaden, 1964.
129. ROUSSE J. The Inference of Migrations from Anthropological Evidence. – Migrations in New World Culture History. Tucson, 1958.
130. SALONEN A. Hippologia Accadica. Helsinki, 1956.
131. SCHLERATH B. Die «Welt» in der vedischen Dichtersprache. – III. VI. 1962, № 2.
132. SCHRADER O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901.
133. SCHMIDT E. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.
134. THAPAR B. The Aryans: a Reappraisal of the Problem. – India's Contribution to the World Thought and Culture. Vivekananda Commemoration Volume. Madras, 1970.
135. THIEME P. The Aryan Gods of the Mittani Treaties. – JAOS. 1960, 60.

SUMMARY

Of crucial importance in the study of the Indo-Iranians' history in the period before writing is a comparison of linguistic and archeological data. Common terms pertaining to the productive economy and metallurgy, horse-breeding, the cult of the horse and wheel vehicles, which are found in Indo-Iranian and other Indo-European languages, indicate that during the Aeneolithic the Indo-European community was still preserved on the territory embracing areas of advanced horse-breeding and the cult of the horse. According to archeological data, these areas comprise the South-Russian steppe, where the horse was domesticated in the 4th millennium B.C. and the cult of the horse and horse sacrifices were practised at the time. The *terminus post quem* of the disintegration of the Indo-European community was the period of the

spread of wheel vehicles in the Old World: according to archeological data, the 3rd millennium B.C. The *terminus ante quem* of the branching off of the Proto-Indo-Aryans fell in the middle of the 2nd millennium B.C.: according to literary sources, the period concurrent with the appearance of Aryan horse-breeders in Asia Anterior. Notable proximity between the economic types, the social organisation patterns and the religious-mythological systems of the Indo-Aryans, Iranians and Saka-Scythians, reconstructed from linguistic sources, indicates that, despite the different historical destinies of these peoples, the problem of the origin of the Indo-Iranians can be resolved only if due account is taken of the origin of each of these ethnic groups.

When reconstructing the peoples' ethnic history in the period before writing, it is important to ascertain the archeological traces of various types of migration and to evolve criteria of the ethnic attribution of archeological cultures. Four such criteria are examined.

1. The retrospective method. This concerns the establishment of systematically traced typological series between the culture of the Sakas and the Sauromatians (unquestionably Iranian speaking peoples) and the antecedent timber-grave and Andronovo cultures, which allows us to regard them as genetically linked and thus to surmise that the bearers of the two latter cultures were Indo-Iranians.

2. The collation of the linguistically reconstructed culture of the Indo-Iranians and of actual archeological cultures. The predominance of cattle-breeding (mostly large horned cattle); the importance attached to horse-breeding and the use of the chariot; the cults of the horse and of the ancestors; the burial ritual; and the social stratification of society, with the charioteer soldiers making up a specific stratum—all these features prevent us from relating the Indo-Iranians to the cattle-breeding cultures of Asia Anterior and to the inhabitants of present-day Turkmenia and Iran in the 3rd millennium B.C. Yet this reconstructed culture tallies fully with the culture of the Eurasian steppe population; moreover, the traditions of this type of economy in the South Russian steppe date back to the 4th millennium B.C. Of vital importance is the appearance in this area in the 16th century B.C. of horse-drawn chariots and the separation of the stratum of charioteer soldiers. The absence in the area of the cult of the pig, inherent in other Indo-European cultures, and the wide use of the two-humped camel (*Camelus bactrianus*) and its cult also favour the Indo-Iranian attribution of these cultures.

3. The coincidence of the Indo-Iranian toponymic map with the map showing the spread of the timber-grave and Andronovo cultures.

4. The collation of data concerning the contacts between Indo-Iranian and other languages, and those concerning the system of the outside links of the steppe cultures, particularly with Mycenaean Greece and the inhabitants of the Eurasian forest belt.

A comparison of results obtained by various means gives sufficient scientific support to the hypothesis of the Indo-Iranian attribution of the timber-grave–Andronovo tribes.

In determining the routes followed by the Indo-Iranians as they migrated away from their original homeland, precedence is taken by the data reflecting their spiritual culture, and not by the characteristics of their ware and similar characteristics.